

● Творческие портреты

НАРОДНЫЙ АРТИСТ

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ в один из тревожных дней Великой Отечественной войны. В Свердловский драматический театр пришло письмо с фронта. Адресовано оно было Борису Федоровичу Ильину. Но никто, ни сам артист, ни его товарищи никогда раньше не слышали об отправителе. Фамилия и инициалы на конверте значили для них не больше, чем номер полевой почты.

И тем не менее, это письмо от незнакомого человека прочно врезалось в память. Ведь он писал о таких вещах, которые касаются самого сокровенного, дорогого, заветного. Он писал о Свердловске, где вырос и жил, а потом много-много говорил о театре, о спектаклях, о полюбившихся героях пьес... Письмо кончалось скупыми словами о фронтовых делах и приближающейся атаке:

— Сейчас, перед боем, — читал Ильин, — я как-то особенно ясно понимаю насколько велика сила искусства. И я благодарен театру, куда бегал еще мальчишкой. Он открыл передо мной целый мир, научил любить жизнь, ненавидеть зло и бороться с ним...

В трудное и суровое время люди особенно восприимчивы даже к самому скромному проявлению человеческой признательности. Борис Федорович Ильин никогда не забудет этого письма. Оно очень дорого ему как человеку, но еще более дорого оно ему, как актеру. И тот, кто хоть раз видел Ильина на сцене, легко поймет, почему он всегда с таким волнением рассказывает о конверте с номером полевой почты и с какой-то особенной теплотой повторяет слова о «театре, который открывает мир, учит любить жизнь и ненавидеть зло».

Он сам смотрит на театр так же. Наверное поэтому его искусство никого и никогда не оставляет равнодушным. Оно тоже учит любви и ненависти, оно тоже страстно воспекает все прекрасное и героическое, срывая маски с низменного и мелкого.

И что бы ни играл Ильин, он всегда стремится прежде всего руководствоваться этим общественным призванием артиста. Когда Борис Федорович на сцене, чувствуешь — в свете рампы живет и действует не просто талантливый исполнитель, а актер-гражданин, вдумчивый и серьезный, влюбленный в свою трудную и ответственную профессию. Такой актер точно знает, зачем и для чего он вышел на сцену, о чем должен поведать и побеждает зрителя его герой.

Все это позволяет Ильину с успехом работать над ролями трагическими и комическими, создавать образы, требующие то филигранного психологического рисунка и лирической мягкости, то романтической взволнованности или броской обличительной сатиры.

Не случайно список ролей, сыгранных Ильиным за сорок лет работы в театре, чрезвычайно разнообразен. Он играл Чацкого и Арбенина, Протасова и царя Федора, Артура в «Оводе» Войнич и Тарелкина в «Деле» Сухова-Кобылина, Яго в «Отелло», Сирано де Бержерака в одноименной драме Ростана... И рядом с этими героями русской и мировой классики им создана целая галерея образов наших современников — Пеклеванова («Бронепоезд 14-69»), Годуна («Разлом»), Кречета («Платон Кречет»), Мотылькова («Слава»), Ивана Шадрина («Человек с ружьем»), Грекова («Павел Греков»).

В годы Великой Отечественной войны к ним прибавились Огнев («Фронт»), Горбунов («Офицер флота»), Максимов («За тех, кто в море»), Пташкин («Звезды не могут погаснуть»)... А потом Ильин играет Смита в «Русском вопросе», Муравьева в «Победителях», Макса Венту в «Заговоре обреченных», Лаврова в «Великой силе», Воропаева в «Счастье». Добавьте к этому списку работы Ильина в таких недавних спектаклях Свердловского драматического театра, как «Братья Ершовы» или «Потерянный сын» — и вам станет ясно, что для артиста нет ближе темы, чем современность. Именно в современном советском репертуаре развивалось и мужало дарование Ильина, именно на советской классике отшлифовывалось и отшлифовывается его мастерство, завоевывается хорошая, настоящая известность народного артиста.

На этом пути были успехи и ошибки, взлеты и падения. Единственно, чего, пожалуй, никогда не было у Ильина — это хождения по легким проторенным

тропинкам. Он все время ищет и ищет. Те, кто работает с ним рядом, знают, как иногда мучительны и длинны бывают творческие поиски, сколько человеческой энергии и сил тратится на отшлифовку найденного и, казалось бы, уже готового. Тем больший отклик находят созданные актером образы.

ЕЩЕ перед началом Великой Отечественной войны, когда Ильин, проработав в театрах Саратова, Баку, Харькова, Одессы, начинал свою «карьеру» в Свердловске, он сыграл несколько ролей, заставивших критику заговорить о нем, как об одном из талантливых советских актеров. Во время гастролей Свердловского драматического театра в Ленинграде, где театр показывал вслед за МХАТом «Царя Федора», Ильин стал невольным соперником Москвина и Хмелева. Он с честью выдержал этот экзамен. Ленинградцы — большие ценители и знатоки сцены — оказали уральцу горячий прием.

Не менее сердечна была более поздняя встреча с москвичами. Тогда на сцене МХАТ драмтеатр показывал «Дядю Ваню».

— Вы не можете себе представить, каких страхов я тогда натерпелся, — вспоминает Борис Федорович. — Только вышел на сцену, вижу в ложе сидят Москвин, Киниппер-Чехова, Качалов и Тарханов. Не помню, как провел спектакль. Только уже потом, когда за кулисами мхатовцы сказали, что остались довольны, кое-как пришел в себя...

Образ дяди Вани, созданный Ильиным, по праву вошел в число лучших чеховских ролей, сыгранных на советской сцене. «В игре Ильина, — писала «Правда» в 1944 году, — много хорошей простоты и художественной безыскусственности. Его дядя Ваня — это умный, способный русский интеллигент, преданный своему делу работник. Он, правда, отяжелел, обрюзг, но есть в нем внутреннее изящество. Он способен был отдать всю свою жизнь на служение профессору Серебрякову, когда верил в него. Но он первый рассмотрел ничтожество и бездарность ученого мужа, и в его протесте, не всегда толковом, есть своя идеяность. Дядя Ваня скромный и честный. В иных условиях он был бы превосходным работником, нужным народу. Ильин очень хорошо, с большой искренностью и с глубоким чувством художественной меры проводит сцены, в которых при иной игре дядя Ваня мог бы показаться только смешным...»

«С большой искренностью и глубоким чувством художественной меры» — эти слова в какой-то степени раскрывают творческую лабораторию артиста, секрет громадного эмоционального воздействия его сценического мастерства. В современном репертуаре, так же, как и в классике, Ильин стремится к той жизненной достоверности, к той внутренней одухотворенности, выразительности и многогранности, которые характерны для «чеховского» театра.

После премьеры пьесы «Большевик», где Борис Федорович играл роль Свердлова, жена Якова Михайловича К. Т. Новгородцева спросила:

— Откуда вы так хорошо знаете характер Свердлова? Вы что, были с ним близко знакомы?

Нет, он не был близко знаком с Яковом Михайловичем. Но он старался узнать о нем как можно больше — из книг и от тех, кто видел или встречался с этим пламенным трибуном революции. А еще он досконально, до запятой изучил текст пьесы и нашел «зерно образа», главное, что было в Свердлове, — его неиссякаемую бодрость, жизнерадостность, идущую от веры в дело революции, в рабочий класс, в его грядущую победу.

Особенно яркой получилась сцена в ссылке, где Яков Михайлович пишет письмо жене. Он простыл, кашляет, но он не сдается усталости и болезни. Даже в эту минуту Свердлов у Ильина собран и тверд. «А вместе с тем я не унываю, — не торопясь, твердо выводит он строку за строкой. — Я не лишился обычной бодрости, а, пожалуй, и жизнерадостности. Тебе кажется это противоречием, а между тем, оно так, как пишу...»

Знать о герое по возможности больше, докопаться до самых глубин его души, его мыслей, его индивидуальности, — таков подход Ильина к любимому образу, особенно, когда речь идет о героях сегодняшнего дня. Это естественно, ведь в современной пьесе зритель особенно остро чувствует самую незначительную фальшь.

Если актер во всеоружии, он всегда добивается успеха. Так получилось у Ильина с образом Ромодана в пьесе А. Корнейчука «Крылья».

Когда Свердловский театр начал работу над спектаклем, в печати появились первые отклики на постановку «Крыльев» в других городах страны. Критика единодушно отмечала, что образ Ромодана — главного положительного героя — получился у драматурга не очень ярким. Он говорил правильные и

толковые слова, но его фигура была какой-то очень уж расплывчатой и безликой. У него не было броских индивидуальных черт, тех «зацепок», которые так необходимы в любой

роли.

Ильина жалели. Действительно, создавать образ Ромодана было делом далеко не легким. И все же он не опустил рук. Еще и еще раз вчитывался он в роль, стараясь представить себе до мелочей характер своего будущего героя. У Ромодана сложное положение: трудности на работе — сельское хозяйство области запущено, трудности в личной жизни — жена вернулась из заключения, его презирает дочь за то, что он в свое время отвернулся от матери.

И постепенно Ромодан все яснее и яснее вставал перед глазами. Когда на человека обрушивается столько испытаний, он невольно становится строже. Иногда он может быть даже мрачным, даже раздраженным. Это неприятные черты, но что поделаешь. Жизнь есть жизнь, и Ромодан у Ильина далеко не сразу завоевывал симпатии у зрителей. Слегка замкнутый, с насупленным тяжелым взглядом, он редко улыбался. Говорил с этими резкими «руководящими» нотками. И нельзя было сразу угадать, как поступит Ромодан — Ильин в тот или иной момент. Легко представить себе, с каким вниманием присматривался к этому человеку зритель, открывая вдруг в нем ясный и глубокий ум, внутреннюю одухотворенность и силу...

ТАК вот подробно и обстоятельно можно рассказывать о многих сценических работах Ильина. Но даже, если очень коротко остановиться лишь на самых последних, то и для этого потребуются добрый десяток страниц. Борис Федорович талантливо сыграл Яропегова в «Сомове и других». В Яропегове у Ильина все время как бы жило два человека. Один — балагур, насмешник, постоянно отшучивающийся от любого замечания, другой — мучительно думающий о жизни, о своем пути. Он отчетливо понимает, что ему не по пути с Сомовыми. С рабочими он тоже не может быть вместе — для этого у него не хватит ни воли, ни мужества. Мучительная трагедия!

А разве менее сложен образ инженера Забелина в «Кремлевских курантах», который через большие внутренние конфликты приходит, наконец, к революции. Или возьмите последнюю работу артиста — роль Шварца в «Потерянном сыне». Она сыграна темпераментно, в очень броской и острой манере. Шварц — Ильин пуст, пуст до крайности. Даже остатки человеческих чувств, даже его внезапная любовь к сыну кажутся смешными и горькими. Омерзение, жалость, презрение, ненависть вызывает этот тип, растративший жизнь по пустякам, разменявший большое и важное на преферанс и выпивки.

Да, искусство Ильина многогранно и своеобразно. Оно темпераментно и молодо. Молодо, хотя актеру уже шестьдесят. Но ведь молодость таланта не измеряется количеством прожитых лет. Молодость актера — это создаваемые им образы. Если они задевают за живое, зовут и учат, значит, художник молод, значит, он дерзает, непрестанно ищет и находит. Народный артист СССР Борис Федорович Ильин, несомненно, относится к таким художникам.

Л. МАКОВЖИН.

* * *

На снимке: Б. Ф. ИЛЬИН.